

Г. Г. КОЛОМИЕЦ*Доктор философских наук, профессор
Оренбургский государственный университет***ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ — НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ
ЦЕННОСТИ В СВЕТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПО СЛЕДАМ
«ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ — 2011»**

Статья посвящена обзору различных анализов пространства социального в свете универсальных ценностей. Прослеживается трансформация понимания и реализации базовых понятий как то: «моральное должностование», «человеческое достоинство», «права и свободы человека». В контексте признаваемого краха политики мультикультурализма возникает необходимость новых ценностных ориентировок, какими могут стать наднациональные и сверхнациональные ценности, точкой отсчета которых становится человеческое достоинство и способность принимать человеком ограниченность применения собственных установок. *Ключевые слова:* толерантность, неоаксиологический подход, нормативная этика, диалог культур, права человека, человеческое достоинство, наднациональные ценности

Современное культурное пространство — это уже культура постиндустриального общества. Так определил человеческую деятельность последний крупнейший форум — «XI Международные Лихачевские научные чтения» (май 2011г.), который был посвящен проблемам диалога культур в условиях глобализации и который высветил проблему переоценки ценностей в свете современности. На форуме были попытки разрешить сложившуюся наднациональную проблематическую ситуацию. Вот в чем ее суть. До недавнего времени были популярны, с одной стороны, идея «плавильного котла» и, с другой — концепция мультикультурализма, зародившиеся в связи с изучением взаимоотношения разных культур, рас, народов. Теперь они признаны не оправданными. Идея «плавильного котла» предполагала слияние различных культур в некую однородную целостность. Концепция мультикультурализма предполагала последовательный процесс ассимиляции иммигрантов, расселяющихся по Европе в поисках лучшей жизни. По словам А. А. Гусейнова, последние исторические события заставляют по-новому взглянуть на проблему диалога культур: 1) крах политики мультикультурализма, о чем свидетельствуют признания президента Франции и канцлера Германии, 2) восстание народных масс в странах Северной Африки и Ближнего Востока, вызванное недовольством социальными и политическими условиями жизни на родине. Эти события, как сказал А. А. Гусейнов, указывают на ограниченность культурологического подхода к проблемам межкультурного взаимодействия. Как мы понимаем, Гусейнов выдвигает неоаксиологический подход в поисках «неких универсальных, сверхкультурных форм общения», которые способны стать «зародышем глобальной общности людей», ставя в центр этико-правовой базис и толерантные отношения как ценностные взаимодействия. Он пишет, что «надо учитывать, почему и как в культурно-гомогенных странах Европы возникают инокультурные анклавные выходцев из стран третьего мира», почему люди, став иммигрантами, не мирятся со своим второсортным положением, хотя оно лучше, чем

на их родине [1, С. 61]. Людьми движут идеальные устремления, они требуют достойного существования по европейским критериям, они выступают за человеческое достоинство, свободу, демократию, ими движет уязвленное самолюбие. Проблема, как считает А. А. Гусейнов, не в культурном различии. Политика мультикультурализма потому терпит крах, что она не доходит до социальных и нравственных глубин. Сложность ситуации состоит в том, что культуры сами по себе не вступают в диалог, а взаимодействуют люди, принадлежащие к той или иной культуре. Следовательно, гарантией диалога культур, того, чтобы принадлежность людей к разным культурам не принесла разрушительного воздействия, является толерантность и политкорректность. Толерантность является «нравственно цементирующей основой» культурного пространства, поскольку представляет собой «духовно-нравственный и этико-правовой базис единства гражданского общества, социального и публичного пространства... поверх их мировоззрений, верований, политических убеждений, культурных различий» [1, С. 64]. Толерантность — это не просто терпимое отношение, толерантность следует понимать «как определенный тип отношений между людьми, позволяющий им сотрудничать и быть взаимно уважительными», как «требование более серьезного, ответственного, рефлексивно-обогащенного отношения к мировоззренческим, духовно-нравственным основам человеческого существования. Более того, толерантность означает не отказ человека от абсолютных ценностей, составляющих внутреннее духовное ядро личности, а только лишь отказ от того, чтобы придавать абсолютный смысл своим собственным представлениям о них» [1, С. 64]. Как видим, толерантность предполагает ответственное отношение к фундаментальным основам, регулирующим социальный космос человека, ответственное отношение как отдельного человека, так и человечества в целом в ситуациях свободного выбора. Значит, актуальна проблема общечеловеческих ценностей в диалоге культур, которая обусловлена тем, что интегративные процессы сопровождаются поисками новой культурной идентичности. При этом существенное значение, на наш взгляд, приобретает переосмысленное отношение к фундаментальным основам человеческого поведения, базирующегося на нормативной этике, в центре которой категории долга, ответственности, достоинства, свободы и т.д. Этические категории и классические добродетели теперь осмысляются как этические ценности, способные нести надкультурную, наднациональную, глобализирующуюся нагрузку. Они трактуются не как, условно скажем, закрытые модули или экзистенциалы, а как жизненные ценностные установки сознания, которые рефлексированы и психологически переживаются в контексте раскрывающихся в новом свете относительно свободных пространственных связей. Трагический пафос нынешнего человеческого существования заключается в том, что вернуться к нормативной этике должностования, к «послушанию законов морали» даже при всей обращенности к обновленному религиозному сознанию, невозможно, поскольку свобода, предполагаемая как свобода выбора и этика человеческого достоинства, в качестве одного из своих основных критериев выдвигает на современном этапе этику ненасилия, сопровождающуюся проблемой защиты прав человека. В этих условиях недостаточно говорить об общечеловеческих ценностях, выработанных традицией, Библией, Кораном и осмысленных в разных философских учениях.

Учитывая большие миграционные потоки и в связи с этим потерю возможности длительной укорененности и передачи устойчивых традиций и ценностей, полагаем, что переосмысление общечеловеческих, абсолютных ценностей в наднациональные или сверхнациональные ценности мобилизуют внимание острее в проблемном поле современной этики на пути к реализации действительно высоких общечеловеческих ценностей, которые будут осознаваться в глобализирующемся сообществе как всеобщие. На этом пути решается задача толерантного отношения к наднациональным ценностям в том смысле, как об этом пишет А. А. Гусейнов, т.е. иметь мужество отказаться от того, чтобы придавать абсолютный смысл своим собственным представлениям о ценностях. Субъектно признавая объективно существующие (или трансцендентно предсуществующие) абсолютные ценности, уважительно по отношению к другим выражать свою субъективность. Здесь мы обращаем внимание на выработку «иммунитета» как отдельной личности, так и коллективного сообщества и государственной политики к гордыни, амбициям, на трудно достигаемом балансе проявления свободы индивидуальной самости и способности воспринимать себя как достойного человека, ценностью ориентирующегося на всеобщие надкультурные и сверхнациональные ценности.

Среди материалов «Лихачевских научных чтений» 2011 г. выделим также доклад академика В. С. Степина, посвященный проблеме формирования наднациональных ценностей, ценностей нового типа [2]. В актуальности проблемы ценностей в свете диалога культур В. С. Степин выделил три кластера причин: 1) усилившаяся миграция людей в современном мире, 2) становление новых крупных межгосударственных образований, 3) поиск новых стратегий цивилизационного развития глобализирующегося мира (системообразующий кластер). В поисках новых стратегий на рубеже XX–XXI вв. мыслилось, что опорой будущей планетарной интеграции могут стать так называемые либеральные ценности, характеризующие образ жизни общества потребления. Имея в своих истоках «проект Модерна» Нового времени, они модифицировано реализовались во второй половине XX века в экономически развитых обществах, демонстрирующих рост благосостояния людей в США и Западной Европе. Однако, как отмечает В. С. Степин, рост благосостояния сопровождается все возрастающим энергопотреблением и обратно пропорционально этому росту загрязнением природной среды. Высокое энергопотребление, как оно свойственно США для всего мирового сообщества невозможно. Стало очевидным, что необходима альтернативная стратегия цивилизационного развития в процессе глобализации, и она связана с поиском новых ценностей во взаимодействии культур.

В. С. Степину видится два подхода к диалогу культур на основе ценностей, который предполагает взаимное уважение, межкультурное взаимопонимание, взаимовлияние и обогащение при взаимодействии. Один опирается на общечеловеческую компоненту, несмотря на то, что общечеловеческие ценности все же по-разному воспринимаются в разных культурах. Другой подход акцентирует внимание на выявление тенденций изменения самих традиций, то есть на происходящую ценностную переориентацию. В этих условиях создаются предпосылки формирования «точек роста новых ценностей». Проблемное поле формирования новых ценностей связано

с освоением сложных саморазвивающихся систем и с новым, постнеклассическим типом научной рациональности.

По словам В. С. Степина современная наука в поисках истины занята не только целью «приращивания знания», но вынуждена согласовываться с этическими нормами, этической экспертизой технологических проектов, поскольку ценность жизни и жизненного пространства стала наднациональной ценностью. Так, в современном технологическом, экономическом развитии новой ценностью выступает биосфера, представление об окружающей среде как об особом саморазвивающемся живом организме. Таким образом, встает проблема скрещивания ценностей техногенной культуры с отвергавшимися ранее наукой мировоззренческими установками традиционных культур. В связи с этим вырастает значимость этических требований, какие сложились в прошлом на Востоке в Индии и Китае: принцип ненасилия, «не навреди» всему живому, принцип «недеяния», «у-вэй», принцип жить в гармонии с природой. Смысл «недеяния», понимаемый как основа дао, уясняется тем, что оно есть духовное спокойствие, равновесие, которое способствует упорядоченности действий без корыстных помыслов. Чистая душа ведет к спокойствию, а спокойствие — к совершенству, ведущее к проницательности, а проницательность присуща духу. Дух же — самое дорогое, что есть на свете — так записано в древнекитайских источниках. Недеяние дао означает соблюдение естественности вещей, что означает, согласно древнекитайскому писанию, отказ от корыстных целей, предвзятого мнения, смешения истины с вымыслом. Показателем становления человека на правильный путь является его уравновешенное душевное состояние. Процветание жизни народа, согласно древнекитайским мыслителям, зависит от справедливости и спокойствия совершенномудрых правителей, а нарушение норм жизни происходит от чрезмерной радости и веселья, печали и гнева.

Возвращаясь к рассуждениям В. С. Степина, заметим, что современный мыслитель раскрывает необходимость перехода от либеральных ценностей потребительского общества к тем истокам ценностей, которые, с одной стороны, не снимают «приоритета коллективных свобод над индивидуальными», как это свойственно культурам традиционалистского типа, и, с другой стороны, которые формировались в концепции естественных прав человека в философии Нового времени. «Естественные права человека» — глубинное образование по сравнению с «правами человека». Диалог культур ставит задачей найти баланс прав человека и прав народа, баланс межличностного и межгосударственного в культурно-диалоговом пространстве.

В сфере политико-правовых отношений выдвигаются ценности демократии и защиты прав человека. При этом подчеркнем, что в основе проблемы прав человека лежит этическая идея человеческого достоинства. Однако здесь вырастает, как мы полагаем, новая проблема, которая заключается в том, что в определении современного понимания сущности человеческого достоинства существует недосказанность, отсутствует в постнормативной этике определенность критериев понятия достоинства человека или человеческого достоинства. Если в нормативной этике базовой ценностью человеческого достоинства являлось долженствование, связанное с осознанием того, что гарантом нравственного закона выступает бог, высшее благо, а в ненормативной этике XIX– начала XX вв. человеческое достоинство как этическая

ценность приобрела психологический аспект в границах того же долженствования, то современное понимание достоинства человека, на наш взгляд, требует выхода на человека творческого, осознающего свою принадлежность к сложным саморазвивающимся системам, к макро и микро мирам, к целому, начиная от связи его с природой, людьми, космосом, с трансцендентным Единым, Первоначалом и т.д. В постнеонормативной этике, то есть этике сегодняшнего дня, человеческое достоинство, а вместе с тем и свободы, свободы выбора, интегрируясь в междисциплинарном пространстве, предполагает множественное толкование, сливаясь с правом, естественными и гуманитарными науками, став предметом, к примеру, биоэтики и биоэкологи, социологии и политологии, медиакультуры и искусства. Значит, в современной системе ценностей человеческое достоинство, будучи неоттесненное от приоритетных «свободы» и «прав человека», требует высокого места в стратегии диалога культур.

Вновь возвращаясь к мысли В. С. Степина, отметим, что экономисты мира устойчиво говорят о том, что если не определить стратегические приоритеты не столько в экономике, сколько в духовной и социальной сферах, то не удастся справиться с проблемами на пути к диалогу культур в свете глобализации. А такими стратегическими приоритетами, на наш взгляд, выступают все же общечеловеческие ценности, или, как мы теперь их переосмыслием и назовём — наднациональные или сверхнациональные ценности. Точкой отсчета наднациональных и надкультурных ценностей, благодаря своей всеобщности, может быть человеческое достоинство или достоинство человека, понимаемое в широких коммуникативных связях как в свете диалога культур, так и в ценностном взаимодействии человека со всем миром. Ценности связаны с духовной сущностью человека, с природой его ценностного сознания на стыке сущего и должного, реального и желаемого, с культурным наследием человечества, когда «миротворчество человека протекает не как освобождение от законов мира, а как их преобразовательное улучшение» [3, С. 395]. Известно, что человек рождается «недоношенным» и «доращивается» он до личности только в обществе, шире — в социальном космосе человека. Потребность или востребованность в стремлении к единению изначально дана человеку, а иначе как бы человек «доращивался»? Важно заметить, что духовность ценностно ориентирована, проявляется в нашем ценностном сознании. Ценности — это то, что важно, значимо, свято, ценности проживаются и переживаются в человеческом опыте. В ценностном восприятии не действует рассудочно-утилитарный механизм мышления, а действует глубинно-внутренняя установка на духовность, что отвечает этико-эстетическому сознанию. «Ценность — одно из основных понятийных универсалий философии, означающая в самом общем виде невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности — в единстве предметов ее устремленных (аспект будущего), особого переживания — обладание (аспект настоящего) и хранение своего «достояния» в тайниках сердца (аспект прошедшего), — которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие» [4, С. 321]. Современный человек для сознательного существования в мире должен поместить себя в мир самых высоких наднациональных, надкультурных ценностей, чтобы сформировать свое новое ценностно-смысловое пространство в условиях глобализации.

В заключение добавим, что в вопросе формирования ценностей нового типа, складывающихся в век глобализации, мы обращаем внимание на их эстетическую сторону, не умаляя при этом этического корня. Здесь важны устремленность мысли и воображения, допустима идеализация, творческий порыв как ценность. Представление о ценности нового типа как способности воспринять наднациональные ценности указывают на то, что ценность в человеческом сознании имеет этико-эстетическое «переливание», ценности «носятся» «над», в душе и сознании человека как нечто возвышенное, прекрасное, они освещают жизненный путь, наполняют жизнь смыслом.

1. Гусейнов А. А. Диалог культур: пределы культурологического Анализа / Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. Т.1: Доклады. СПб. 6 СПбГУП, 2011.
2. Степин В. С. Проблема ценностей в контексте диалога культур / Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. Т.1: Доклады. СПб. 6 СПбГУП, 2011. С. 153–156.
3. Ильин И. А. Природа ценностного сознания // Философия: Университетский курс / Под общ. ред. проф. С. А. Лебедева. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
4. Шохин В. К. Ценность // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2001.

В. А. КОНЕВ

*Доктор философских наук, профессор
Самарский государственный университет*

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЦЕННОСТЕЙ

Текст представляет собой введение в анализ времени в контексте смыслообразования и дальнейшей закреплённости смыслов в культуре. Так, ценность представляется в качестве эпифеномена времени. *Ключевые слова:* аксиология, смыслообразование, конфигурация времени, культурные ценности, ценность артефакта

В серии «Занятие философией» Б. Пастернак пишет стихотворение «Определение поэзии»:

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок...

В чем смысл этого определения поэзии? В точности и полноте? Вряд ли... Для поэта поэзия — средоточие всего, что было в его опыте поразительного, захватывающего, что всплывает в образах, идеях, картинах. Здесь важно — БЫЛО. Но это *было* особенное. Г. Башляр выразил это очень точно: «Поэтический образ — не результат какого-либо толчка, импульса. Он — не эхо прошлого, скорее наоборот: во вспышке образа давнее прошлое резонирует множеством отголосков, и неясно, на какой глубине отражаются и затухают эти отзвуки» (Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства. Пер. с фр., М., 2004. С. 8).